

Фольклорный текст в современной коми прозе

О. В. Ведерникова,
кандидат филологических наук, доцент
кафедры методики преподавания русского
и коми языков, декан факультета
педагогике и методики начального
образования ГОУВПО «Коми
государственный педагогический
институт», (г. Сыктывкар, РФ)

Одним из аспектов теоретической проблемы «текст и контекст» выступает фольклоризм литературы (связь с фольклором, фольклорный контекст). Фольклорный контекст принадлежит к числу ближайших культурных контекстов в литературном тексте. Его изучение позволяет осознавать и рассматривать авторский текст как явление духовной культуры, в национально-культурной специфике. Проблема состоит в том, как интерпретируется фольклорный контекст в литературном произведении, какая методология при этом используется.

Типология фольклорного контекста предопределяется содержанием и границами понятия «фольклорный текст», а также полиаспектностью современных когнитивных практик в сфере гуманитарных наук и в самой литературе. В одних произведениях доминирует стремление к сохранению, творческому, продуктивному использованию фольклора, в других (постмодернистских) – фольклор используется с деконструктивистских позиций, с позиций отрицания. Сочетание разных исследовательских подходов позволяет выявить в творчестве писателей разнообразный фольклорный контекст (мегаконтекст).

В современной фольклористике существуют разные точки зрения на фольклорный текст (вербальные

и невербальные тексты; народные артефакты как тексты; фольклорный текст как ментальный текст, семиотический объект, архетип, дискурс, концепт, гипертекст) [8, 7–227]. Полиаспектная исследовательская парадигма фольклорного текста предопределяет различные подходы в литературоведении к познанию фольклорного контекста: генетический (функциональный аспект фольклоризма писателя), типологический, архаический, интертекстуальный, концептуально-культурологический, дискурсивную концепцию. Автором данной статьи фольклорный контекст современной коми прозы был исследован на основе первых четырех методологий [1]. Изучение литературных текстов позволило заключить, что современные прозаики коми в своем творчестве продуктивно взаимодействуют с фольклором как словесно-жанровой формой народной традиции, позиционируя близость к традиционным моделям картины мира. В настоящей работе представлен первый опыт анализа фольклорного контекста в дискурсивной концепции. Нами исследуется фольклорный контекст детского текста в романе Г. Юшкова «Родовой знак».

Фольклорный контекст детского текста в романах Г. Юшкова семейной тематики раскрывает духовную близость писателя к устной традиции. Используя понятие «детский текст», мы исходим из определения текста как части литературного произведения, достаточно самостоятельной с точки зрения микротемы и языкового оформления, т. е. как одного из дискурсов целого литературного текста, включающего в себя детей-персонажей и связанные с их образами сюжетно-композиционные решения. Образ детства в вышеназванном романе Г. Юшкова – структурно значимый элемент художественного мира произведения, содержащий изображение детства главного героя,

Сочетание разных исследовательских подходов позволяет выявить в творчестве писателей разнообразный фольклорный контекст (мегаконтекст).

ребенка-подростка – хранителя духовно-культурных традиций. В этом смысле детский текст романа вписывается в фольклорно-тематическую парадигму.

Тема детства в фольклоре – своеобразный культурный код, обнаруживающий глубинные связи устных текстов с нетекстовой культурной реальностью. В фольклорных текстах коми жизненное предназначение детей четко разграничивается с точки зрения их будущей роли (мужской или женской), реализация которой была необходимой для стабильного существования семьи, рода как условие преемственности родовых духовно-культурных традиций. Женское начало связано с освоением «своего» (околодомашнего, близкого природного) мира, мужское – «чужого» (находящегося в пределах дальнего природного) мира – темного, густого, труднопроходимого леса. Мальчику была уготована судьба охотника – добытчика, кормильца, защитника (архетип создателя жизненных благ – демиурга), наследующего с детства жизненно-ценностные ориентации для исполнения своей роли. Символами мужского начала в устных текстах выступают детали охотничьей атрибутики и быта.

Гипертекстовое пространство фольклора, представляющее традиционную модель детства, заполняют тексты разных жанров. Показательными в раскрытии жизненной перспективы детей являются колыбельные песни, пословицы, волшебные сказки. Судьба ребенка задается с момента его рождения. В пословицах эта тема интерпретируется в вопросно-ответной форме: «Кто родился? Собирательница ягод или добытчик глухарей?»; «Кто родился? Охотник или хранительница очага?» [5, 163]. В колыбельных песнях содержание текстов направлено на обеспечение успеха заданной жизненной перспективы, в связи с чем они имеют форму заклинания, главный функциональный смысл в которых выражен глаголами «станешь», «будешь». Малышу-сыну, воздействуя и словом, и мелодией, желают стать: сильным («Станешь ты высокий / Да в плечах широкий»); ловким, быстрым, зорким («Твои ноги-то оленьих быстрых, / Твои пальцы-то беличьих шустрей, / Твои глаза глухариних острей»); удачливым в охотничьих, рыболовных делах («Ты добычу из лесу возами присылаешь, / Ты улов с реки плотами сплаваешь»); защитником («Будешь отцу-матери помогать»; «Гора моя золотая, Стена моя каменная») [7, 124–125]. В сказке «Иван – крестьянский сын» тема жизненной предзаданности разворачивается в сюжет о становле-

нии, возмужании охотника. Главный герой, 8-летний мальчик, после смерти главы семьи наследует отцовский лесной путик, успешно осваивает охотничий промысел, достигает жизненного благополучия [3, 31–46]. В одной из сказок рассматриваемая тема интерпретируется в форме перифразы: «если сын родится, то стрелы на жердочке, если дочь родится, то прялка у печки» [4, 17]. Состоявшийся мужской идеал, предначертанный в детстве, также находит свое сюжетно-композиционное воплощение в разных жанрах фольклора. Охотничий мотив – один из основных в волшебных сказках, народных рассказах, эпических песнях. Чаще всего он связан с отражением конкретных моментов охоты и удачливости охотника (сказка «Шомвуква»: «в лес пойдет – добыча навстречу идет; к реке пойдет – рыба навстречу идет»), преследования охотничьей добычи (предание «Йиркап»), с изображением испытаний физической и нравственной силы охотников, раскрытием защитной функции (сказка «Отец и десять сыновей», предание «Богатырь Пера», эпические песни «Кирьян-Варьян», «Педор Кирон»), с обозначением пространства охоты, конкретизируемого водной или лесной стихией (стихия в образе нечистой силы или чудища) либо образами природных объектов («...где куропатка кудахчет», «...где токует тетерев ночами», «...где журавль курлычет», «Там и соболю-то как хвою; словно шишка, там белка виснет; Там и бобр сидит, как чурбак...»). Традиционное представление об охотничьем идеале содержится в высказываниях охотников-богатырей, например: «Не нужны мне ни злато ваше, ни серебро. / Мне нужен лишь лес на Висляне, / Чтобы один бы я был охотником / В том лесу на 20 верст кругом. / Будет мне вместо теплого дома / Жаркий ноядь, / Вместо пуховой перины / Расстелю ветви пихты, / Одеялом станет мне / Небесный воздух, / Вот и вся плата» [2, 56–66; 4, 17; 6, 44–45, 93–95].

Современные прозаики коми в своем творчестве продуктивно взаимодействуют с фольклором как словесно-жанровой формой народной традиции, позиционируя близость к традиционным моделям картины мира.

В авторской интерпретации темы жизненной предзаданности прослеживается ориентация на духовно-культурные традиции, отраженные в фольклорных текстах. При этом писатель, озабоченный разрывом духовных связей в триаде «человек – семья (род) – природа», сосредоточивается на мысли о духовной преемственности поколений. Его главной творческой задачей становится создание образа героя, аккумулировавшего духовно-культурный опыт предков

**Тема детства в фольклоре –
своеобразный культурный код,
обнаруживающий глубинные связи
устных текстов с нетекстовой
культурной реальностью.**

и стремящегося передать его новому поколению. Воспитание в семье на опыте прошлого, направленное на формирование такого характера, – основной предмет изображения в детском тексте романа «Родовой знак», в его первой главе «Детство Василия Русанова» [9]. В тексте задана жизненная перспектива наследника, хранителя и транслятора духовно-культурных традиций, который в последующих главах будет восстанавливать разрушенные связи, защищать воспринятый опыт, противостоять беспамятству и бездуховности. В раскрытии процесса формирования характера подростка главная роль отводится охотничьему мотиву, образам родового лесного путика и родового знака. В авторской интерпретации они приобретают смысл духовно-нравственных констант, поскольку с их помощью отец Василия и реализует свою педагогическую стратегию.

Повествование о детстве Василия пронизано охотничьей образностью. С ранних лет мальчик по примеру отца стремится стать успешным охотником и рыбаком: «А я вырасту, охотником же буду. И удача мне будет и в лесу, и на воде» [9, 31]. Отец обучает его секретам охотничьего промысла. Эпизоды совместной с отцом охоты обрастают многими бытовыми подробностями и реальными деталями, в то же время они становятся формой духовного общения, нравственных уроков. Наиболее значительными в этом смысле следует признать сюжетные эпизоды охоты, в которых Василий участвует впервые. Это первая ловля силками клестов, первый выход на отцовский путик, первая рыбалка вдали от дома, первая ночевка в ближней отцовской охотничьей избушке, во время которых отец раскрывает главные нравственные заповеди охотника: береги родовой знак (это знак памяти, мастерства, честности); не ступай без разрешения на чужую лесную тропу (не кради); разрешай промышлять на лесной тропе

тем, кто ничего не добыл (помогай другим, и тебе помогут); не бери добычи больше, чем требуется для пропитания (береги природу, не жадничай); оставляй ближнюю добычу для старых охотников, уже не способных преодолевать большие расстояния (забота молодых о старости).

Детскими забавами являются охотничьи игры, охотничьи состязания, посредством которых не только накапливаются знания, полезные умения и навыки, но и развиваются нравственные стереотипы. Вещный мир подростка связан с охотничьим бытом: это охотничьи и рыболовные снасти, охотничий котелок, ружье. Образы вещей имеют знаковый характер. Так, отцовский медный котелок – это символ связи с предками, родовой духовной памяти. Основной фон повествования – природный. Пространство охоты многообразно: лесной путик с родовыми знаками, Малый бор, Олений бор, дальний лес, река Энь, ручьи, озера (каждый с именем). В единое пространство их связывает лесной путик. Жизнь Василия изображена в движении по дороге – родовой территории, на которой родился, вырос, возмужал (символ родины). В его восприятии данные природные зоны сакральны: они связаны с памятью о предках, погибшем отце (это путь, проложенный ими), почитанием деревьев, животных, птиц. Для Василия дорога через эти сакральные точки стала и дорогой жизни – т. е. побед и потерь, испытаний, нравственного выбора.

Таким образом, в интерпретации сходной темы фольклорную и литературную традиции сближают духовно-нравственные константы национальной культуры.

Ключевые слова / keywords:

*фольклор; коми проза; текст;
контекст*

folklore; Komi prose; text; context

Поступила 23.12.2009

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Ведерникова, О. В. Фольклорные традиции в современной прозе коми / О. В. Ведерникова. – Сыктывкар, 2003.
2. Коми йӧзкостса висьгъяс = Коми легенды и предания / сост. Ю. Г. Рочев. – Сыктывкар, 2006.
3. Коми мойдъяс = Коми сказки / сост. Ф. В. Плесовский. – Сыктывкар, 1976.
4. Коми мойдъяс = Коми сказки / сост. Ю. Г. Рочев. – Сыктывкар, 1991.

5. Коми пословицы и поговорки / сост. Ф. В. Плесовский. – Сыктывкар, 1973.
6. Микушев, А. К. Коми эпические песни и баллады. – Л., 1969.
7. Народная поэзия коми / сост. А. К. Микушев. – Сыктывкар, 1988.
8. Славянская традиционная культура и современный мир : сб. материалов науч. конф. – М., 2005. – Вып. 8.
9. Юшков, Г. Рӧдвуж пас = Родовой знак / Г. Юшков. – Сыктывкар, 1988. – 430 с.

